

Теория и философия аффекта

Бернхард Вальденфельс

Внимание как ответ чужому¹

ВНИМАНИЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ РЕСПОНЗИВНОЙ
ФЕНОМЕНОЛОГИИ

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_31

Bernhard Waldenfels

Attention as Response to the Alien. Attention in the Perspective of Responsive Phenomenology

Бернхард Вальденфельс

Рурский университет в Бохуме; почетный профессор философии; Dr. h.c.
Bernhard.Waldenfels@ruhr-uni-bochum.de.

Bernhard Waldenfels

Ruhr University in Bochum; Professor emeritus of Philosophy; Dr. h.c.
Bernhard.Waldenfels@ruhr-uni-bochum.de.

С позиции радикальной феноменологии, начинающейся с чужого как того, что предшествует нашей собственной инициативе и ускользает от нашей диспозиции, внимание — не просто один из многих феноменов. Напротив, это ключевой феномен, который открывает путь к корням вещей и к нашим собственным сердцам. Внимание ставит под вопрос разные современные формы эгоцентризма. В какой-то мере [здесь] мы возвращаемся к античным философам, Платону и Аристотелю, для которых философия начинается с патоса удивления и изумления. Этот сильный патос отсылает к тому, что беспокоит нас и отклоняется от наших обычных ожиданий. Поэтому всякая борьба за внимание есть прежде всего борьба с самими собой, с собственными предрассудками и пристрастиями. Знаменитые слова Фрейда о том, что человек не хозяин в собственном доме, подрывают любые формы индивидуальной или коллективной зацикленности на себе. Картезианская формула *я мыслю* имеет

---

1 Текст доклада на Международной летней школе «Борьба за внимание в публичной сфере. Перспектива критической феноменологии», организованной Клавдией Смолой, Татьяной Вайзер и Аннели Бахмайер на базе кафедры славянских литератур и культур Института славистики Дрезденского университета 23–29 июля 2023 года. Печатается с разрешения автора.

признаки чего-то вроде *оно мыслит*, что Лихтенберг сравнивает с опытом пораженности ударом молнии: *coup de foudre*, *Blitzschlag*: *оно сверкает*. Ницше развивает этот переход от личного Я к безличному Оно, когда утверждает: «Мысль приходит, когда “она” хочет, а не когда хочу “я”»². Все это входит в перцептивную и языковую прелюдию, которая удостоверяет странные черты внимания.

Далее я поэтапно раскрою человеческий опыт чуждости и дружности, намереваясь ухватить основные черты и эффекты внимания. Я буду опираться на респонзивную феноменологию, которую я развиваю уже давно³. Этот подход во многом вдохновлен феноменологиями Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера, Мориса Мерло-Понти, Эммануэля Левинаса и Жака Деррида. В то же время это не исключает его близости к таким авторам, как Уильям Джеймс, Анри Бергсон и Людвиг Витгенштейн, а также к партизанам феноменологии, Полю Валери и Михаилу Бахтину. После этого мы обратимся к достижениям гуманитарных, лингвистических и социальных наук и время времени будем ссылаться на работы художников, религиозные практики, политические и экономические институты. Ведь, как и другие аспекты человеческой жизни, внимание проходит через самые разные дисциплины.

Prootium: Овидий, Брейгель и Оден

Для затравки я предлагаю обратиться к мифу о Дедале и Икаре из «Метаморфоз» Овидия, который был не раз воплощен в художественном творчестве и поэзии. Как известно из этого древнего текста, изобретения — это не просто плоды фантазии, скорее, они возникают как ответ на ситуацию определенной необходимости. Дедал создал крылья, чтобы вместе с сыном бежать из лабиринта, где они содержались в заключении и охранялись чудовищем Минотавром. Когда работа была завершена, Дедал наставил сына придерживаться середины: лететь не слишком низко, близко к морю, и не слишком высоко, близко к солнцу. Однако Икар ослушался и взлетел слишком высоко, из-за чего солнце расплавало воск, удерживающий конструкцию крыльев. Тогда мальчик упал с неба в море и утонул. Опустим ту часть истории, в которой говорится, что несчастный юноша остался жив символически, в названии острова Икария. Как бы то ни было, эта катастрофа представляет собой нагляднейший пример патоса — того, что настигает кого-то благосклонно или враждебно. Смертельное падение Икара изображено Брейгелем на холсте, который можно увидеть в брюссельском Музее изящных искусств. Эта картина обрела поэтическую метаморфозу у Уистена Хью Одена. Его стихотворение «В музее изображительных искусств» (*Musée des Beaux Arts*) начинается с простого утверждения: «На страданья у них был наметанный глаз. Старые мастера». Дальше мы начинаем осознавать, что происходит и как оно происходит. Приведу цитату:

-
- 2 *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5 / Пер. с нем. Н. Полилова и К. Свасьян. М.: Культурная революция, 2012. С. 28.
  - 3 Подробнее об этом подходе в феноменологии см. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск: Прописи, 1999; *Waldenfels B.* Phenomenology of the Alien: Basic Concepts. Evanston: Northwestern University Press, 2011; об особенностях феномена внимания см.: *Waldenfels B.* Phänomenologie der Aufmerksamkeit. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2004.

В «Икаре» Брейгеля, в гибельный миг,
 Все равнодушны, пахарь — словно незрячий:
 Наверно, он слышал всплеск и отчаянный крик,
 Но для него это не было смертельною неудачей, —
 Под солнцем белели ноги, уходя в зеленое лоно
 Воды, а изящный корабль, с которого не могли
 Не видеть, как мальчик падает с небосклона,
 Был занят плаваньем, все дальше уплывал от земли...⁴

Мы становимся свидетелями того, как случилось нечто удивительное, но одновременно видим, как этот внепорядковый характер события тут же заслоняется повседневными делами моряков или пахаря: «[и]ли с дубиной пастух, иль пахарь, на плуг приналегший»⁵. Нечто *второстепенное* (нем. *Nebensache*) заменяет собой *главное* (нем. *Hauptsache*). Так мы упускаем из виду то, что видим или не видим. То, что предстает перед нашими глазами, скрывается в неприметности. Или, говоря точнее, процесс *заметности* (нем. *Auffallen*) почти отрывается от акта *замечания* (нем. *Aufmerken*). Таким образом работа внимания обнаруживается *ex negativo*. Но остается вопрос: каким образом внимание пробуждается от сна нормальности? Что заставляет нас переступить порог, отделяющий известное от неизвестного? С этого места и начинается наше исследование.

Внимание как изначальный факт

Вернемся к самим вещам, как этого требует радикальная феноменология. Прежде чем мы реализовываем и оцениваем внимание как процесс, оно сопрягается с тремя фактами. Во-первых, с фактом того, что нечто вообще появляется; во-вторых, с фактом того, что появляется именно это нечто, а не другое; и, в-третьих, с фактом того, что нечто воздействует на нас именно так, а не иначе. Первоначальный вопрос, поставленный Лейбницем и переформулированный Хайдеггером — «Почему вообще есть сущее, а не, наоборот, Ничто?»⁶, — мелькает на заднем плане нашей ежедневной и еженочной жизни и становится явным через наше внимание. В этом контексте мы сталкиваемся с изначальным фактом, *Urtatsache* Гёте, к которому также обращались Гуссерль и Витгенштейн. Этот факт является первичным, поскольку он задает отправную точку для последующих вопросов вроде «Что это?», «Кто я?» или «Почему это так?» Первофакт провоцирует эти вопросы еще до того, как у нас получается описать его как нечто определенное. Мы начинаем с помутненного *je ne sais quoi* (фр. я не знаю что).

Добавлю одно методологическое замечание. На изначальный факт мы можем указать лишь постфактум косвенным образом, без возможности его

-
- 4 В музее изобразительных искусств (пер. с англ. П. Грушко) // Современная американская поэзия. Антология / Сост. А. Зверев и И. Левидова. М.: Прогресс, 1975. С. 103.
 5 Овидий П.Н. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / Пер. с лат. С. Шервинского. М.: Художественная литература, 1983. С. 255.
 6 Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В. Бибихина. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2013. С. 62.

продемонстрировать. Поэтому в немецком языке мы различаем *указывать* (*aufweisen*) и *доказывать* (*beweisen*). Так или иначе, мы можем *показать* (*show*), что нечто является действительно изначальным. Как подчеркивает Витгенштейн, любой указывающий жест превосходит акт высказывания. «Что может быть показано, о том не следует говорить»⁷.

За этим следует одно историческое замечание. Аристотель в своей «Никомаховой этике» подчеркивает, что в области практики «то, что [дано]» (ὅτι) предшествует «почему» (διότι)⁸. Это включает и роль неисчислимой τύχη (др.-греч. удача. — Прим. пер.). Что касается Канта, то он также принимает во внимание так называемые остенсивные демонстрации, которые предполагают, что с самого начала наше убеждение в истинности связано с пониманием ее источников⁹.

Внимание как двойственное и промежуточное событие

Если попытаться описать внимание минимально, в духе минималистического искусства, то получится следующее. В каждом случае я сталкиваюсь с двойственным событием. С одной стороны, нечто поражает меня (*es fällt mir auf*), с другой — я обращаю внимание на нечто (*ich merke auf*).

Первую часть (*Auffallen*, близкая к *Einfallen*) можно охарактеризовать как нечто, происходящее со мной; как нечто, что касается или воздействует на меня. Это соответствует греческому смыслу слова *πατος*, который объединяет в себе сразу три значения. Во-первых, *πατος* относится к грамматической форме пассивного залога; во-вторых, он означает страдание от чего-то угрожающего или нарушающего; и, наконец, вызывает ассоциации с усиленными формами страсти. В немецком языке этому соответствуют слова пассивный (*Passiv*), страдание (*Leiden*) и страсть (*Leidenschaft*). В целом этот богатый и многогранный феномен состоит в некотором событии (или, лучше сказать, *ad-vent* [лат. прибытии. — Прим. пер.]), в которое я более или менее вовлечен. Однако я вовлечен в него не в именительном падеже, указывающем на это как на автора поступков и слов, а скорее в дательном или винительном, в которых относятся ко мне, как к кому-то затронутому или обращенному. В своей фундаментальной «Теории языка» Карл Бюлер рассматривает особый тип «датель адресата» (нем. *Adressendativ*). К нему близок винительный падеж, который буквально означает «падеж обвинения» (*Anklagekasus*)¹⁰. Грамматическое расщепление местоимения первого лица на *Я* (*Ich*) и *меня* (*Mich*), на *I* и *Me* или на *je* и *moi* может служить препятствием для всякой мании величия, сосредоточенности на самом себе.

Вторую часть двойственного события внимания можно понимать как *ответ*, возникший откуда-то, постоянно стимулируемый чем-то, воздействующим на нас, или кем-то, кто к нам обращается. Без этих импульсов, прихо-

7 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. С. 47.

8 Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с др.-греч. Н. Брагинской. М.: Мысль, 1983. С. 57.

9 Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Наука, 1999. С. 585.

10 См. учение о падежах в Bühler K. Sprachtheorie. Stuttgart. New York: Gustav Fischer, 1982. S. 250 f.

дящих извне, наше слово (нем. *Wort*) никогда бы не стало *от-ветом* (нем. *Antwort*), то есть своего рода контр-словом. Кроме того, всякий вид респонзивного (ответного. — Прим. пер.) акта артикулируется в содержании ответов, которые мы даем или в которых отказываем. Это соответствует респонзивному различию, отделяющему событие говорения от того, что сказано¹¹. Следовательно, отвечание — это *событие*, которое приходит *ко мне* и преобразуется в *акт* или *действие*, совершаемое *мною*. Как мы увидим далее, респонзивная феноменология обретает черты трансформирующей феноменологии, а также своеобразного полиолога, представленного Михаилом Бахтиным¹².

В целом все события внимания предстают как *двойственные* и *промежуточные* события. Они неизменно пересекают порог инаковости, который одновременно соединяет и разделяет, подобно соединительной черте (*hyphen*) как знаку пунктуации. С одной стороны, порог *соединяет*: не бывает патоса без того, в отношении кого он происходит — будь то удовольствие, боль, радость или печаль. Как это выразил Поль Валери: «Боль — это чуждость чувствительности: существует нечто, что есть я и не я — иное, пребывающее во мне»¹³. Значит, не бывает ответа без того, на что он дается. Но это только одна сторона. С другой стороны, внимание *разделяет*: одно не может быть выведено из другого. Речь идет не о различии в качестве, а о разных направлениях движения — как в том случае, когда нечто подходит *ко мне* или уходит *от меня*. Эта двухтактность исключает любую форму опосредования или круговорота в духе всеобъемлющей диалектики Гегеля.

Вдобавок сам факт того, что нечто случается с нами, исключает две крайности. Он исключает любой *фундаментализм*, предполагающий, что наш ответ уже содержится в том, что дано. Но он также исключает и любого рода *конструктивизм*, утверждающий, что нет ничего, на что мы отвечаем, а есть лишь нечто, из чего необходимо создать что-то.

Наконец, хиазм между патосом и ответом, который пересекается, но не устраняется вниманием, соответствует расщеплению так называемого субъекта на двойственную фигуру *принимающего* (*patient*) и *отвечающего* (*respondent*). Прочитируем Валери еще раз: «Дух есть момент ответа тела миру»¹⁴. Не существует субъекта, нет *ὑποκείμενον* (др.-греч. материальный субстрат), лежащего в основании всего, что мы делаем. Напротив, мы становимся теми, что мы есть, в затронутости и отвечании.

По итогу событие внимания не следует понимать ни как коллаж из внешних механизмов и внутренних актов, ни как непрерывную шкалу активности и пассивности; напротив, внимание осуществляется в радикальной форме пас-

11 Я ссылаюсь на свою книгу (*Waldenfels B. Antwortregister*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994. S. 242) и на левинасовское различие между *le dire* (фр. сказывание) и *le dit* (фр. высказанное) в *Waldenfels B. Idiome des Denkens. Deutsch-Französische Gedankengänge II*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2005. Kap. 11.

12 *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. Бахтин оказал на меня огромное влияние при разработке респонзивной феноменологии, см. *Waldenfels B. Vielstimmigkeit der Rede. Studien zur Phänomenologie des Fremden 4*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1999. Kap. 7; *Waldenfels B. Platon. Zwischen Logos und Pathos*. Berlin: Suhrkamp, 2017. Kap. 1. Об отношении Бахтина к феноменологии см. *Pape C. Autonome Teilhaftigkeit und teilhafte Autonomie*. Paderborn: Fink, 2015.

13 *Valéry P. Cahiers*. In 2 vols. Vol. 1. Paris: Gallimard, 1973. P. 1161.

14 *Ibid.* P. 1125.

сивности, которую можно обнаружить в этике инаковости Левинаса. Проще говоря, ответвление можно определить как процесс, начинающийся откуда-то из другого места, от чего-то чуждого нам.

Внимание как временное смещение

Двойственное событие внимания не просто протекает во времени, оно оформлено в особый тип темпоральности. Два движения, о которых идет речь, разделены специфическим смещением или временным лагом, который, следуя Плотину и Левинасу, можно назвать *диастазом*, что буквально означает «расхождение». Следовательно, то, что удивляет меня, всегда случается слишком рано, а мой ответ — *слишком поздно*. Так, ученый-физик Г.К. Лихтенберг замечает: «Иногда, когда я выпивал много кофе и оттого становился пугливым от всего, я мог совершенно точно заметить, что я пугался еще до того, как слышал шум; значит, мы слышим также с помощью инструментов, отличных от наших ушей»¹⁵. Радикальный опыт не протекает полностью непрерывно. Напротив, мы никогда полностью не своевременны. Мы сталкиваемся с изначальным видом предшественности (нем. *Vorgängigkeit*, фр. *avant coup*) и запоздалости (нем. *Nachträglichkeit*, фр. *après coup*). Приходить слишком рано или слишком поздно — не то же самое, что приходить раньше или позже, будто бы два события просто следуют друг за другом на временной шкале. С точки зрения принимающего, которого не следует путать с наблюдателем, каждый или каждая из нас одновременно старше и моложе самого или самой себя. Это пересечение прошлого и будущего уже предполагается у Платона в его теории становления во времени¹⁶. Вещи суть то, чем они были, и то, чем они будут. Поль Валери переносит эту мысль в область современной поврежденной субъективности: «То, что есть Я, наставляет, изумляет то, чем я являюсь. И есть определенное время между мной и мной. Я рождаюсь от себя»¹⁷. Иными словами, перформативное Я не совпадает с предикативным мной, через которое я лишь возвращаюсь к себе.

Внимание как отбор

То, что предоставляет внимание, разительно отличается от панорамного [восприятия]. Даже следа внимания не может быть без толики селективности. *Обратиться* к чему-то значит одновременно *отвернуться от* чего-то другого. Именно поэтому гештальт-теория всегда описывает предпочитаемые (нем. *bevorzugte*) формы восприятия или движения, контрастирующие с нейтральным фоном, который включает все, что остается незамеченным. Тот, кто утверждает, что видит все, не видит ничего. Но при этом мы всегда видим больше, чем смотрим, и слышим больше, чем слушаем. Этот процесс отбора, возни-

15 Lichtenberg G.C. Sudelbücher // Schriften und Briefe: In 2 vols. Vol. 2. München: Hanser, 1968/1971. S. 62.

16 Платон. Парменид // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Пер. с др.-греч. Н. Томасова. М.: Мысль, 1993. С. 367–368.

17 Valéry P. Cahiers. In 2 vols. Vol. 1. Paris: Gallimard, 1973. P. 1001.

кающий в сердце внимания, сопротивляется *реалистической* интерпретации Уильяма Джеймса. Для Джеймса внимание означает выделение чего-то одного при подавлении остального¹⁸. Но процесс чувственного отбора сопротивляется также и *субъективистской* интерпретации Вильгельма Вундта, который предполагал, что внимание есть не что иное, как простой сентимент, сопровождающий определенное содержание сознания¹⁹. Селективность, включая ограниченность ума и горизонты чувств, не просто дана сама по себе и не просто принята нами. Опыт организуется как поле сознания, более того, как «поле свободы»²⁰. Литовско-еврейский автор Арон Гурвич разработал эту позицию во всех деталях и в тесной связи с гештальт-теорией. У него многое перенял Мерло-Понти²¹. Поле опыта организуется в терминах тематических объектов, тематических полей и границ. Таким образом, опыт, включая внимание, обретает определенный рельеф. То, на что мы намереваемся, не может быть отделено от того, как мы намереваемся. В этом отношении внимание принадлежит к азам опыта. Помимо своих когнитивных и практических аспектов оно имеет аффективные корни. Следуя платоновской теории любви или даже фрейдовской теории влечений, можно утверждать: «Скажи мне, что или кого ты любишь, и я скажу тебе, кто ты».

Внимание как креативный ответ

Будучи встроенным в базовую организацию опыта, внимание не ограничивается особым содержанием, но действует в определенных модусах данности и совершения актов. Как показал Гуссерль, феномен внимания обозначает множественность *способов данности* (нем. *Gegebenheitsweisen*), *модусов совершения* (нем. *Vollzugsmodi*) или аттенциональных сдвигов (нем. *attentionale Wandlungen*)²². Эти различные модусы придерживаются самих вещей; однако они не находят себе места ни во внешнем мире физических вещей, ни во внутреннем мире ментальных актов и состояний. Они создаются или изобретаются посредством преобразования ментального или практического поля через определение того, что остается неопределенным²³. Но это создание не означает чистого *creatio ex nihilo*, которое перенесло бы нас в мир воображения; человеческое создание скорее происходит из ответов, которые становятся креативными. В ходе такого процесса респонзивного создания все, что воздействует на (нем. *wovon*) нас, и все, на что (нем. *worauf*) мы отвечаем, становится чем-

18 James W. Principles of Psychology. In 2 vols. Vol. 1. New York: Dover, 1950. P. 288.

19 Вундт В. Очерк психологии / Пер. с нем. Д.В. Викторова; под ред., с предисл. и прим. проф. Н. Грота. М.: Кушнерев и К°, 1897. С. 143.

20 Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А. Михайлова. М.: Академический Проект, 2009. С. 251.

21 Его основная работа, как и многие другие, написанные эмигрантами в непростых условиях, впервые появилась в 1954 году на французском языке, затем в 1964 году на английском и только в 1975 году в немецком варианте: Gurwitsch A. Das Bewußtseinsfeld / Trans. by W. Fröhlich. Berlin; New York: De Gruyter, 1975.

22 См. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / Пер. с нем. А. Михайлова. М.: Академический Проект, 2009. С. 292–297.

23 См. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. Вдовиной и С. Фокина. СПб.: Наука, 1999. С. 55–60.

то (нем. *etwas*), что мы имеем в виду как нечто (нем. *als etwas*), следуя определенным правилам действия (нем. *wonach*). Эта трансформация может быть проиллюстрирована через хайдеггеровское различие между «От-чего ужаса» (*Wovor der Angst*) и «Что страх» (*Was der Furcht*)²⁴.

В целом креативное внимание предполагает особое измерение, которое можно охарактеризовать как *патическое* и *респонзивное*. То, что происходит в каждом отдельном случае, предшествует любому смыслу и любому правилу и превосходит их; оно выходит за пределы базовых функций интенциональности и регулярности. Все, что поражает или воздействует на нас, само по себе не предполагает никакой смысл и не следует никакому правилу. Оно становится значимым и регулярным лишь благодаря креативности наших ответов.

Инкорпорированное внимание

Внимание не ограничивается мгновенными вспышками; реализованное как воплощенное внимание, телесное внимание (нем. *leibhaftige Aufmerksamkeit*) инкорпорировано в определенном наборе структур. Со стороны объектов и целей мы обнаруживаем то, что примечательно (нем. *Auffälligkeiten*) и бросается нам в глаза, то, что посредством повторения создает мир примет и эффектов. Это соответствует перцептуальному миру (нем. *Merkwelt*) и операциональному миру (нем. *Wirkwelt*), описанным в биологии Якоба фон Икскуля²⁵. Со стороны субъективного поведения мы находим привычки и диспозиции, которые конституируют определенные формы готовности — то, что по-немецки называется готовностью ко вниманию (нем. *Aufmerksamkeitsbereitschaft*).

Следовательно, мы должны различать *первичные, инновативные* и *вторичные* формы внимания и *нормальные* факты. В первом случае мы подвергаемся тому, что удивляет, поражает или пугает нас, тогда как во втором мы *grosso modo* видим или слышим то, что уже знаем. Приведем еще одну насмешливую ремарку Лихтенберга: «Многие люди, и, возможно, большинство из них, должны знать, что что-то существует, прежде чем обнаружить это»²⁶. В конечном счете эти закаленные (*abgebrüht*) люди на самом деле ничего не находят, они лишь снова находят то, что уже знают.

Практики и техники внимания

Двойственный процесс стабилизации, которому подвергается наше внимание, относится к промежуточной сфере практик, техник и медиумов, которые различными способами формируют внимание. Мы можем ухватить эти искусственные обходные пути нашего опыта, лишь *приостанавливая* естественную и привычную склонность принимать данное как само собой разумеющееся и полагаться на уроки здравого смысла. Эти приостановки выглядят по-разному.

---

24 См. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 184–191.

25 Uexküll J. von. Theoretische Biologie. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1973.

26 Lichtenberg G.C. Sudelbücher // Schriften und Briefe: In 2 vols. Vol. 1. München: Hanser, 1968/1971. S. 572.

Прежде всего, мы сталкиваемся со спонтанными формами прорыва через то, что мы привыкли ожидать, и отклонения от этого. Мы становимся жертвами всевозможных помех, начиная с простого жужжания у нас в ушах, мешающего нам четко мыслить²⁷. К этому следует добавить различные модусы *парапраксиса*, такие как заикание, запинки или хромоту, которые систематически изучались Фрейдом и связывались с многочисленными глаголами, отмеченными в немецком языке приставкой *ver-*, как в *versehen* (осмотреться), *vertun* (оделаться), *versprechen* (оговориться) или *verdrängen* (вытеснить), — все они функционируют в качестве шлюзов для бессознательных устремлений. В греческой традиции различные *ошибочные действия* (нем. *Fehlleistungen*) иллюстрируются хромыми фигурами, такими как Эдип, или пародируются падением Фалеса, вызывающим смех фракийской служанки²⁸. Наконец, уровень внимания может снижаться в дневных грезах или в бесцельном блуждании фланера, который оживляет улицы большого современного города. Все это образует определенную ауру внимания, чьи плавные переходы сопротивляются цифровым калькуляциям.

Кроме того, внимание может быть подавлено и в то же время обнаружено с помощью специальных форм искусственного прерывания. Самая известная из них — эпохе. Она была введена греческими скептиками как воздержание от вынесения суждений, однако ее следует распространять на всю сферу опыта. Та феноменология, с позиции которой мы выступаем и которая сосредоточена на патосе и ответе, требует особого *респонзивного эпохе*. Такое воздержание не только подавляет смысл и правила в терминах *в-видах-чего* (*Woraufhin*) и *куда* (*Wonach*) нашего опыта, как это делает интенциональное эпохе. Респонзивное эпохе проникает глубже, в глубинный слой опыта. Оно ставит под вопрос все, что на нас воздействует, в терминах того, *на-что* (*Worauf*) дается наш ответ. Эта процедура включает в себя своего рода *внимательное эпохе*, позволяющее прояснить работу внимания. Эта работа выражена во вспысках удивления, как в известном *ага-переживании* (нем. *Aha-Erlebnis*). Даже смех обладает чертами внепорядкового ответа: «Смех — это *ответ, притязанием которого является определенная невозможность*»²⁹.

К феноменологическому эпохе близка фрейдовская процедура *свободно парящего внимания* (нем. *gleichschwebende Aufmerksamkeit*). Фрейд четко противостоит произвольному пониманию внимания в духе Вильгельма Вундта, у которого патический элемент *заметности* (нем. *Auffallen*) отесняется активным элементом *замечания* (нем. *Aufmerken*). Поэтому Фрейд пишет:

Мне кажется неправильным и вредным для творческой работы души, когда разум, словно стоя на страже, слишком критически разглядывает стекающиеся идеи...И наоборот, у творческих умов, как мне кажется, разум снимает с ворот

27 Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. С. 83.

28 Платон. Тезет // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Пер. с др.-греч. Т. Васильевой. М.: Мысль, 1993. С. 230.

29 Valéry P. Cahiers. In 2 vols. Vol. 1. Paris: Gallimard, 1973. P. 930. См. также Бергсон А. Смех / Предисл. и примеч. И. Вдовиной. М.: Искусство, 1992; Plessner H. Lachen und Weinen // Gesammelte Schriften: in 10 vols. / Hg. von Günter Dux u. a. Ausdruck und menschliche Natur. Vol. 7. Frankfurt/M.: Suhrkamp. S. 201–387.

свою стражу, идеи вырываются в беспорядке, и лишь затем он осматривает и оценивает их огромное скопище³⁰.

Свободно парящий модус внимания сохраняет открытыми пути для хода свободных ассоциаций, которые не дают пациенту просто заново находить и возвращать лишь то, что ему уже известно³¹.

И не в последнюю очередь я хотел бы обратиться к тому, как работают разные искусства, которые можно охарактеризовать как *искусства внимания*. Это особенно касается современного искусства, когда оно ставит под вопрос видимость, слышимость, подвижность и выразимость как таковые. Часто используются методы *остранения* (нем. *Verfremdung*), дистанцирования, которые восходят еще к аристотелевскому разбору языковых форм чуждого (ξενικόν³²) и которые были заново актуализированы русским формализмом³³. Эта техника создания из привычного непривычного касается пределов внимания. Рассмотрим несколько примеров.

Малевич, рисуя черные квадраты и круги, задействует изменчивый контраст фигуры и фона. Кейдж сочиняет появляющиеся и исчезающие звуки на фоне тишины. Каннингем расчленяет движение танца. Рембо говорит о процессе превращения, в котором медь просыпается горном. Кафка в «Исследованиях одной собаки» открывает переход от шума к звукам. Благодаря подобным изменениям феноменология не упраздняется, а дополняется тем, что Гастон Башляр называет *феноменотехникой*³⁴. Логос феноменов поддерживается рядом техник, которые определяют, как мы переживаем то, что переживаем. Эта техника глубоко укоренена в нашем теле, функционирующем как первичный инструмент, — начиная с нашей руки, которую Аристотель называл «органом органов»³⁵.

30 Фрейд З. Толкование сновидений // Фрейд З. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2 / Пер. с нем. А. Боковикова. М.: Фирма СТД, 2004. С. 122.

31 См. Фрейд З. Советы врачу при психоаналитическом лечении // Сочинения по технике лечения / Пер. с нем. А. Боковикова. М.: Фирма СТД, 2008. С. 171–173; см. также комментарий в моей книге *Waldenfels B. Erfahrung, die zur Sprache drängt: Studien zur Psychoanalyse und Psychotherapie aus phänomenologischer Sicht*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2019. S. 53 f.

32 См. *Аристотель*. Риторика. Поэтика / Пер. с др.-греч. О. Сычева и И. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. Стр. 114–119.

33 См. *Hansen-Löve A. Der russische Formalismus: Methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung*. Wien: Verlag der öster. Ak. der Wissenschaften, 1978.

34 По поводу связи между феноменологией и феноменотехникой см. мой комментарий в *Waldenfels B. Bruchlinien der Erfahrung: Phänomenologie — Psychoanalyse — Phänomenotechnik*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2002. S. 361, 374–377; *Waldenfels B. Globalität, Lokalität, Digitalität. Herausforderungen der Phänomenologie*. Berlin: Suhrkamp, 2022. S. 112, 169.

35 Прим. пер.: в рус. переводе — «инструмент инструментов». См. *Аристотель*. О частях животных / Пер. с др.-греч. В. Карпова. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1937. С. 151; и в дополнение к этому см. палеонтологические исследования *Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole*. Paris: Albin Michel, 1964–65.

Поляризованное и блокированное внимание

Наконец, говоря о различных сбоях и аномалиях внимания, необходимо учитывать, что патическая и респонзивная составляющие внимания редко находятся в равновесии. Напротив, наш обычный опыт демонстрирует восприимчивость к разным формам патологических отклонений. Более того, границы между патогенным и патологическим не очерчены четко, так что они остаются подвижными.

Непростой характер внимания проявляется, во-первых, в постоянном процессе поляризации. С одной стороны, мы предаем себя определенному *laisser-faire*. Мы позволяем блуждать нашим чувствам, нашим мыслям и нашим желаниям, открывая пространство для таких маргинальных форм опыта, как грезы, мозговой штурм, променады или фланирование. С другой стороны, мы упрямо сосредоточены на одних задачах, при этом отодвигая другие. В наших давних культурных традициях различаются *rasseivanie* (англ. *dispersion*) и *сбирание* (англ. *collection*), *Zerstreuung* и *Sammlung*, причем обычно предпочтение отдается последнему. Но обе тенденции, доведенные до крайности, становятся патологией. Если крайняя степень концентрации приводит к фиксации на идеях, то чрезмерная рассеянность — к бегству идей или нарушениям вроде гиперактивности и дефицита внимания.

Во-вторых, следует упомянуть распространенные формы блокирования. Между двумя сторонами — затронутостью и ответчением — может случиться разрыв. Это разрывание может усилиться вплоть до того, что принимающий окажется пораженным и неспособным ответить; или, наоборот, когда он будет отвечать, не будучи затронутым. С одной стороны, мы сталкиваемся с феноменами, подобными тормозной колодке, которая парализует наше поведение³⁶. В других случаях мы имеем дело с очарованием, когда нечто приковывает наш взгляд и желание. С другой стороны, существуют стереотипы, то есть застывшие или окаменелые формы ответа, лишённые всякого колебания, покоя. В этом случае мы приближаемся к состоянию равнодушия, подобного смерти.

Наконец, особенно тяжелым является случай травмы, то есть пагубного, насильственного события, которое блокирует всякий ответ и проявляется лишь впоследствии, косвенно в форме симптомов.

Внимание и уважение

Внимание — это не только то, чем мы управляем и что контролируем, но и то, что мы дарим, в чем отказываем или что одалживаем другому. Тем самым мы вступаем на территорию этики. Немецкий язык обнаруживает примечательное родство между *вниманием* (*Aufmerksamkeit*) и *уважением* (*Achtung*) или *внимательностью* (*Achtsamkeit*), то есть между вниманием и уважением. Но чтобы это родство стало плодотворным, нам необходима этика снизу, которая исходит из притязаний и аффектов и которая предшествует любым нормам,

---

36 См. описание *étonnement* [фр. удивление] в *Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с франц. А.К. Сынопалова. М.: Мысль, 1989. С. 513.*

целям и фактам. Речь здесь идет об *этом чувстве*, возникающем из актов взглядывания и вслушивания, — в противоположность всем актам незамечания, когда мы закрываем глаза и отводим уши. Необходимо различать простой акт видения и слышания, *sehen* и *hören*, и две его альтернативы: либо всматриваться и вслушиваться, *hinsehen* и *hinhören*, либо пренебрегать, отводить взгляд (*wegsehen*) и отводить уши (*weghören*), либо пропускать мимо глаз (*übersehen*) и ушей (*überhören*). Даже в представлении Гуссерля все, что мы переживаем здесь и сейчас, появляется как нечто, что обращается к нам и взывает к нашему ответу в терминах *отвечающего всматривания и вслушивания* (нем. *antwortendes Hinsehen und Hinhören*)³⁷. Уделять внимание тому, что поражает и затрагивает нас, становится этически предопределенным, поскольку мы отдаем то, что должны другому. В этом смысле проживаемое и привлекаемое внимание превосходит наши собственные проекции, а также те различные техники и практики, которые формируют наше поведение. И если существует первичная форма внимания, она сохраняет черты дикого внимания (фр. *attention sauvage*).

Перевод с английского Арсения Никонова

---

37 Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Teil 1: 1905–1920 / Hg. von Iso Kern. Husserliana XIII. Den Haag: Nijhoff, 1973. S. 462.